

12 ОКТЯБРЯ
ЗНАМЕНИТОМУ
ИТАЛЬЯНСКОМУ
ТЕНОРУ ЛУЧАНО
ПАВАРОТТИ
ИСПОЛНЯЕТСЯ
70 ЛЕТ

КУМИР

Ефим БАРБАН

сборок «МН», Лондон

Шелковая удавка для ПАВАРОТТИ

Лучано Паваротти много раз говорил, что закончит свою певческую карьеру в 70 лет. Знаменитый тенор перестал петь в опере, однако продолжает давать концерты. Весной этого года он совершил мировое «прощальное турне». А в последнее время певец сопровождает свое желание уйти на покой оговорками — вроде того, что и после 70 продолжит петь для детей и ветеранов войны. «Король бельканто» не ощущает ни упадка сил, ни снижения жизненного тонуса. В позапрошлом году после скандального развода он женился на своей бывшей секретарше Николетте Мантовани (разница в возрасте новобрачных составляла 34 года). В сентябре 2005 года за активное сотрудничество с британским обществом Красного Креста Паваротти был удостоен звания почетного гражданина италийского Сити. Это звание, учрежденное в Средние века, дает певцу право, в частности, проводить овец по Лондонскому мосту и в случае чего быть повешенным на шелковой веревке. Во время приема в королевском оперном театре Ковент-Гарден Лучано ПАВАРОТТИ дал эксклюзивное интервью «МН».

— Начнем с абсурдного вопроса: почему вы поете?

— Я не назвал бы ваш вопрос абсурдным. Я пою потому, что не умею ничего делать лучше.

— И это единственная причина?

— А что, этого недостаточно? Вы полагаете, так уж много людей за-

нимается тем, что им нравится? Только немногие счастливики!

— А если бы вы не стали певцом, кем бы вы предпочли быть?

— До того как стать певцом, я был учителем в начальной школе, и дети очень меня любили. Если бы не голос, я продолжил бы эту работу.

— В Англии огромный дефицит учителей. Вас охотно возьмут на работу в школу после окончания музыкальной карьеры...

— Надо будет подумать об этом, когда уйду на пенсию. Впрочем, можно ведь преподавать и пение.

— Вы утверждали, что не мыслите себя вне оперы. Но создается впечатление, что все же вы становитесь камерным певцом.

— Но на концертах невозможно ограничиться чисто оперным репертуаром. Публика требует песен и другой музыки. И не только на бис. Приходится исполнять и музыку барокко, и произведения Доницетти, Беллини, Респиги, Берлиоза и других композиторов. Я бы не оценивал это как упадок.

— Каково место русской музыки в вашем репертуаре?

— Если вы верите в переселение душ, в прошлой своей жизни я был русским композитором. Когда я впервые услышал «Картинки с выставки» Мусоргского, я смог полностью повторить всю эту композицию — в ней для меня не было ничего нового. Оркестровка «Картинок», сделанная Равелем, была сложной, но, слушая ее, я чувствовал, что она изначально жила во мне.

— О вашей феноменальной музыкальной памяти мне рассказывал Паата Бурчуладзе...

— Паата — величайший бас и величайший певец всех времен. Мы дебютировали в Лондоне в «Аиде». Кроме того, он замечательный человек и прекрасный друг. На память, в том числе музыкальную, я действительно не жалею.

— Не кажется ли вам, что в мире ощущается кризис бельканто?

— С одной стороны, налицо кризис великих певцов — кризис самого искусства. С другой, никогда в мире не было такого количества оперных театров. Например, недавно открылся оперный театр Россини, который стал символом бельканто. Бельканто сейчас звучит чаще, чем когда-либо. Это тоже не позволяет говорить о кризисе. Такие певицы и певцы, как Джоан Сатерленд, Кири Те Канава, Паата Бурчуладзе необычайно расширили географию бельканто. Так что ответ может быть двояким.

— Чем можно объяснить, что именно Италия рождает большинство великих оперных певцов?

— Если вы имеете в виду теноров, сейчас в мире лидируют три выдающихся испанских тенора. Что же касается Италии, думаю, что причина этого — солнце. Солнце прежде всего рождает желание петь, а песни требуют главным образом голоса

тенора. Но испанские и французские певцы всегда конкурировали с итальянскими. Думаю, точнее было бы говорить не об итальянцах, а о тенорах романских стран.

— Считаете ли вы себя лучшим тенором мира?

— Можете давать мне любое место и любые оценки. Если, на ваш взгляд, я первый — спасибо. Второй — тоже спасибо. Десятый — большое спасибо! Мне трудно судить о своем месте в музыке. Исполнителю, видимо, этого не дано. Можно, конечно, судить по гонорару. Мои гонорары одни из самых высоких. Таким образом, в принципе можно говорить обо мне как об одном из лучших певцов.

— Последнее время вы стремились предельно расширить свою концертную аудиторию. Чем вызван этот популизм?

— Вспоминаю свой концерт в Майами, где я пел перед, по крайней мере, пятью тысячами слушателей. Это был замечательный концерт. И главное — там звучала подлинная музыка, ничто этому не мешало. Затевая этот эксперимент, я испытывал очень смешанные чувства. И когда критики начали писать, что на этих гигантских концертных площадках невозможно по-настоящему исполнять и воспринимать музыку, я был первым, кто согласился с ними. Я заявил тогда друзьям и сотрудникам: «Баста, возвращаемся в нормальную аудиторию».

— Чувствуете ли вы, что какие-то ваши честолюбивые устремления остались нереализованными?

— За последние 25 лет моим главным честолюбивым желанием было как можно лучше петь. Угодить прежде всего композитору, а затем публике и критикам и, конечно, самому себе — главному и самому взыскательному своему критику. Я исполнил практически все ведущие теноровые оперные партии, так что мое честолюбие удовлетворено.

— Вы все еще на диете? Сколько вы потеряли в весе?

— За всю мою жизнь? За всю жизнь я сбросил сотни килограммов. За последнее время я сбросил примерно 30 кг. Я бы не назвал свой рацион диетой. Ем я практически все, избегая сахара и жира.

ВЛАДИМИР МОЧАЛОВ